



М.В. ЛОМОНОСОВ

Петр Великий (героическая поэма)

Его Высокопревосходительству милостивому государю
Ивану Ивановичу Шувалову, Генералу-Поручику,
Генералу-Адъютанту, действительному Камергеру,
Московского Университета куратору
и орденов Белого Орла, Святого Александра,
Святыя Анны Кавалеру

Начало моего великого труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен в сей путь пустился я:
Ты будешь онога споспешник и судья.
И многи и сия дана Тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкий слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием Твоим восстану ободрен.
Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О если б было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Еней
Едва б с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Виргилий устыдился.
Уликовых Сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил попраный ревом Лев.

За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
И возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенный концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.
Хотя за знание служил мне в том талан,
Однако скажут все: я был судьбой избран.
Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описаны в моих стихах прочтут потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рек,
И только где живет Российский человек
И почитаючи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
Однако ж я отнюд надежды не лишен:
Начатый будет труд прилежно совершен.
Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас как легкими крилами,
В разборе убежден о правоте Твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.
И если в поле сем прекрасном и широком
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,
Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков Ты промыслом в сей день произведен,
Для счастья наук в отечестве рожден.
Благополучная сияла к ним планета,
Предвозвещаая плод в Твои прекрасны лета.
В благодеяниях Твои проходят дни.
О, коль красно цветет Парнас в Твоей тени!
Для Музы моя Твой век всего дороже;
Для многих счастья продли, продли, о Боже.

Ноября 1 дня 1760 года

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ**Сокращение**

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить Государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприимлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот Шведский. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе, рассказывает Государь настоятелю тамошних обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольник.

Пою премудрого Российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, Премудрость бесконечна:
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
Петра Великого гласить вселенной в слух
И показать, как Он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны от века,
С каким усердием, Отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя,
Да на Его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки
Познают, что Монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой,
Дабы Российский род вовеки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика Дщерь Его щедротой оживит.

Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише
И к подданным любовь всех высший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабый лирный звон.

Склони, склони свой слух, когда я пред Тобою
Дерзаю возгласить военную трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! О земля! О тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от варвар был Азов;
До Меотиских Дон свободно тек валов,
Нося ужасный флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром неимоверной.
Уже великая покоилась Москва,
Избыв от лютого злодеев суровства,
Бунтующих стрельцов достойной после казни
Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
От дерзкой наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасный гром.
От Нарвской обуяв сомнительной победы,
Штатались мыслями и войск походом Шведы.
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем веселилась
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена!
Ты тем всех выше рек, что устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и острова зелены,
Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден,
И тем толикого веселия лишен?
Не зрех, как он сиял Величеством над вами
И шествовал по вам пред новыми полками,
Как новы крепости и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли,
Смотрел и утверждал противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому бегу,
Дабы Российскую тем силу разделить,
От Ингерских градов осады отвратить.
Но вдруг пришествия Петрова в север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.

Уже белея понт перед Петром кипит,
И влага уступить шума ему спешит.
Там вместо чайанных бореи флагов Шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вокруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
На Запад и на Юг, на Север и Восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
Перуны мрак густой сверкая разделяют,
И громаы с шумом вод свой треск соединяют;
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великий страх сугубят скрипом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
« Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает;
К трудам и к крепости напредки ободряет
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея Бог скоро пошлет край» .
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

Ямышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских негодна;
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды Его поя.
В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой.

В убежища сии склонитесь вы со мной,
Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
Однако доскакав до высоты крутыя,
Вздыхнул, кончает бег, льет токи потовые, —
Так север, укротясь, впоследствии восстенал.
По усталым валам понт пену расстилал;
Исчезли облака; сквозь воздух в юге чистый,
Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в мокрых берегах крутясь, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна,
В числе Российских рек безвестна и мала,
Но Предков роком злым Петровых прослыла:
Когда коварного свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как Праотцев Его он в север заточил,
Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись береги, зря в славе оных Род.
Меж тем способный ветер в свой путь сзывает флот?
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана — пройти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама

И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполнены надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила;
Бездонный Океан травой как луг покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгий зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.
Но ныне настоят в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось меж валов
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верьхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи.
От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят, и кверху бьют,
Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недосягаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрению обвыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол.
На том сего Царя палаты и престол.
Столпы округ его — огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы;
Главы их сложены из раковин витых,

Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет укротясь нам громовая буря;
Помост из аспида и чистого лазуря;
Палаты из одной иссечены горы;
Верхи под чешуей — великих рыб бугры;
Уборы внутренни — покров черепокожных
Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон — жемчугами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен Царь,
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда Царская — Порфира и виссон,
Что сильные моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни Борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
Воздвигли радостный морские птицы клик.
Он вслед к плывущему Герою обратился
И новости судов Петровых удивился:
«Твои, — сказал, — моря, над ними царствуй век,
Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великий флот; поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобно б сему,
Что должен Океан Монарху своему.

Уже на западе восточными лучами —
Открылся освещен с высокими верьхами
Пречудных стен округ из диких камней град,
Где вольны пленники спасаясь сидят,
От мира отделяясь и морем и святыней
(Пример отеческих от древних лет пустыней),
Лишь только лишены приятнейших плодов
От древ, что подают и пищу и покров:
Не может произвесть короткое их лето,
Снегами в протчи дни лице земли одето.
Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас и ум.
К сим строгим берегам великий Петр приходит,
Внимательный свой взор на здания возводит.
Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена,
Его и воинов с веселием приемлет;

Стрельбе и пению пустыня купно внемлет.
Навстречу с ликом Фирс усердствуя спешит
И, Гостя осенив, в восторге говорит:
«Благословен Твой путь Всевышнего рукою:
Могущество Его предходит пред Тобою.
Он к сей с высот своих обители смотря,
О имени своем возвеселит Царя.
Живущие Его в сем месте благодати
Причастны новые Твои да будут рати».
Монарх, от Промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек,
Победы прежние Его благословляет
И к новым торжествам духовно ободряет.

Монарх, почтив, труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел,
Спросил Наставника: «Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?» —
«Великий Иоанн, Твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер.
Он, жертву принося за помочь в бранях Богу,
Меж протчими и здесь дал милостыню многу:
Пятьсот изменников пойманных Татар,
Им в казнь, обители прислал до смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись стены
И, Праотцев твоих усердием снабденны,
В холодной сей стране от бурь покров дают,
Безмолвно бдение и безнаветен труд».
Сие в ответ дал Фирс и, указав на следы,
Где церковь над врагом семь лет ждала победы,
Сказал: «Здесь каменны перед стеной валы
Насыпаны против раскола и хулы.
Желая ереси исторгнуть, Твой Родитель
Исправить церккви чин послал в сию обитель,
Но грубых тех невежд в надежных толь стенах
Не преклонил ни глад, ни должной казни страх.
Крепились, мнимыми прельщенны чудесами,
Не двинулись своих кровавыми струями,
Пока упрямство их унизил Божий суд:
Уже в церковной все послушности живут»,

Монарх воспомянул, коль много от раскола
Простерлось наглостей и к высоте престола;

Вздохнув, повествовал ужасную напасть
И властолюбную Софии хитрой страсть.

Ах, Музы, как мне петь? Я тех лишу покою,
Которых сродники, развращены мечтою,
Не тщились за Петром в благословенный путь,
Но тщетно мыслили против Его дерзнуть.
Представив злобу их, гнушаюсь и жалею,
Что род их огорчу невинностью своею!

Какой бодрит меня и луч, и жар, и шум
И гонит вскорости смущенных тучу дум?
С прекрасной высоты с великого Парнаса
Наполнился мой слух пронзающего гласа.
Минерва, Аполлон и девять сестр зовут
И нудят совершить священный спешно труд:
«Ты хочешь в землю скрыть врученно смысла золото?
Мы петь тебе велим; и что велим, то свято».
Уже с горы глашу Богинь великих власть:
В спокойстве чтите вы предписанную часть.
Когда похвальных дел вы ходите по следу,
Не подражая в зле ни сроднику, ни деду,
Когда противна вам неправда, злоба, лесть
И в сердце царствует правдивость, совесть, честь;
Премена зла в добро явится дело чудно,
И за попрек хвалу вам заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцев,
Отнюдь отеческих достоинств не имев,
Не мните о себе, когда их похваляю:
Не вас, заслуги их по правде прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради вас пою: для правды, для Петра.

«Пять крат против меня, — Он сказывал, — восстала
И царствовать сестра чрез кровь мою искала.
Измена с злобою на жизнь мою сложась,
В завесу святости притворной обвилась,
Противников добру крепила злы советы,
На сродников моих и на меня наветы.
Перед кончиною мой старший брат, признав,
Что средний в силах слаб и внутренне не здрав,
Способность предпочел естественному праву
И мне препоручил Российскую державу.

Сестра под образом, чтоб брат был защищен
И купно на престол со мною посажен,
В нем слабость, а во мне дни детски презирала
И руку хищную к державе простирала.
Но прежде притворясь, составила совет,
К которому бояр и все чины зовет
И церкви твердого столпа Иоакима;
Душа его была от ней непобедима.
Коварную начав с притворной скорбью речь,
Свои принудила и протчих слезы течь:
«Когда любезного Феодора лишились,
В какой печали мы, о небо, погрузились!
Но сверх той вопиет естественный закон,
Что меньший старшему отъемлет брату трон.
Стрельцы и весь народ себя вооружают
И общей пагубой России угрожают.
Все ропщут: для чего обойден Иоанн?
Возложат на него убийством Царский сан!»
Познав такую злость, отвечивал Святитель:
«От жизни отходя, и Брат твой и Родитель
Избрание Петра препоручили нам:
Мы следовали их Монаршеским словам».
Несклонного сего ответа ради гневна:
«С народом выбирать, — сказала им Царевна, —
С народом выбирать, не запершись в чертог,
Повелевает вам и общество и Бог».
Толстой к Софиину и Милославский слову,
По особливому сошедшиеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей,
Что нет правдивее премудрых сих речей.
Иоаким со всем представил купно ликом:
«Мы избрали Петра и сердцем и языком.
Ему здесь вручена державы вышней часть:
С престола низвести уже не наша власть».
София, видя их против себя упорство,
Склонила замыслов к иной стезе проворство;
В надежде досягнуть своих желаний злых,
Совет дала венчать на Царство обоих.
Однако Патриарх отнюд не колебался
И сими от того словами отказался:
«Опасно в обществе многоначальству быть,
И Бог мне не велел того благословить».
И так восстав от Ней, с Святителями отходит.

Софию страсть владеть в бесчувственность приводит.
Делят на скопищах Москву бунтовщики,
Готовясь ток пролить кровавые реки.
Предходит бешенство, и наглость, и буянство,
И едка ненависть, и вождь раздоров — пьянство;
Обсели улицы, торги и ворота;
На расхищение расписаны места.
Без сна был злобный скоп, не затворяя ока:
Лишь спит незлобие, не зная близко рока.

Открылся тайный ков, когда исчезла тень;
Багровая заря кровавый вводит день.
Наруж выходит, что умыслила София
И что Советники ее велели злые.
Уже изменники-стрельцы сбежались в строй
И Милославского орудие — Толстой;
Толстой в бунтующих шеренгах разъезжает
И дерзких ложными словами поощряет:
Кричит, что Иоанн, младый Царь, удушен,
Нарышкиными, ах! толь горько умерщвлен.
Тогда свирепствуя жестокие тираны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней, оставя высоту,
Девятого часа скрывало красоту.
Внезапно в ужасе Москва зрит изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.
Колеса тяжкие под пушками скрыпят,
Глаза отчаянных кровавые горят.
Лишь дому Царского, что должны чтить, достигли,
Как звери дикие рыкание воздвигли:
«На месть спешите нам Нарышкиных отдать,
Или мы станем всех бить, грабить и терзать».
Бояре старшие Матвеев, Долгорукой,
Представ, давали в том стрельцам себя порукой,
Что все волнуются, напрасно обуяв,
Что Иоанн с Петром без поврежденья здрав
И только лишь о сем смущении печален.
Сим словом дерзкий бунт был несколько умален:
Все ждали, чтобы им младых Царей узреть
И, в дома возвратись, спокойствие иметь.
Увидев из своих чертогов то, София,
Что пресекаются ее коварства злые,
Подгнету буйности велела дать — вина,

Чтоб, снова воспылав, горела внутри война.
Тут вскоре разъярясь стрельцы, как звери дики,
Возобновили шум убийственной музыки.
Подобно как бы всю Москву съедал пожар.
Царица, Мать моя, прошением Бояр
Для утоления всеобщия напасти
Презрев толь близкий рок, презрев горящи страсти,
Выводит нас с собой на красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнев покрыл ее лицо;
И Брата и Меня злодеям показала,
И, чтоб покоились, со властью увещала.
Толпами наглые наверх взбегали к Нам,
И, мы ль то, кликали обеих по именам.
Обличены вконец и правдой и присутствием,
Хотят оставить злость неправедну с бесстыдством
И часть бунтующих в обратный бьют поход.
Царевна, усмотрев, что тихнет злобный род,
Коварство новое в погибель составляет
И искры яркие в сердца стрельцам всыпает,
Сказав им собственну опасность и боязнь,
Что завтра лютая самих постигнет казнь
И те им отомстят, что ныне в оных воле;
Пропущены часы не возвратятся боле.
Как на полях пожар в начале утушен,
Но вдруг дыханием из пепла оживлен,
Сухой тростник траву в дни летни поедает,
И пламень слабые препятства превышает, —
Подобно так стрельцы, страх с лютостью смешав
И поощрением злодейским воспылав,
В чертоги Царские насильно устремились,
Убийством, наглостью неистово вломились.
Царица, мать моя, среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Где праотцев престол — в палату грановиту,
Ко святости его и к Вышнему в защиту.
В чертогах жалкий стон, терзанье и грабеж
И раздается крик: «Коли, руби и режь!»
Одни Софиины покои лишь свободны,
И двери Варварам бунтующим невходны.
Для убиения не нужен был в них иск:
На сродников Моих направлен был их рыск.
Внезапно больший шум сердца в нас утесняет:
В злодейственных руках Нарышкин возрыдает.

Не мог его закрыть и жертвенник снятый:
Летит на копья, повержен с высоты.
Текущу видя кровь, рыкают: «Любо, любо!»
Пронзенного подняв, сие гласят сугубо.
Сего невинный дух, предтеча к небесам,
Оставил тленну часть неистовым врагам.
Немедленно мечи сверкают обнаженны,
И раздробляются трепещущие члены!
Царицей посланных к стрельцам увещевать,
Чтоб, кровь сию пролив, престали бунтовать,
Подобной лютостью злодеи похищают,
На копья, с крыльца низвергнув, прободают.
Старейших стольников и знатнейших бояр
Подобный умертвил судьбины злой удар.
Там Ромодановский, о горькая кончина!
В последний раз взглянул на страждущего сына.
Там Долгорукого почтенный сан и вид
Меж членами других окровавлен лежит.
И красноречием несчастливый Матвеев,
Которого речьми пронзалась грудь злодеев,
Убит, но в смерти жив: что бледная глава
Движеньем кажет уст не скончаны слова.
Коль много после них невинно пострадали;
С Царицыных очей злодеи дерзко брали,
На незаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.

О скорбный лютый день и варварством ужасный,
День, Мне и сродникам для пагубы опасный!
Не помрачился он, как дерзостный Борис,
Сей смертоносный змей, Димитрия угрыз,
Когда убивец злой вертел в гортани жало
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мне чувства изострил мой собственной пример:
Лишь вспомню, вижу я, как злится изувер.
В младенческом уме взор лютый вкоренился,
И, ныне вспомянув, я духом возмутился;
Волнуется во Мне о том со гневом страх,
Как Рожьдшая Меня, держа в своих руках,
Мой верьх и грудь Свою слезами обмывала,
Последнего часа бледнея ожидала,
Когда бесчувственный в продерзости злодей,
Гортани кошнем касаяся Моей,

Ревел: «Скажи, где брат, или Тебя и Сына
Постигнет в миг один последняя година» .
О промысл! В оный час ты чудо сотворил,
Злодейску руку прочь злодейской отвратил:
Из жаждущих Моей погибели сыскался,
Кто б о Моем тогда ж спасении старался.

В то время с Федором и Мартемьяном Лев,
По селам странствуя, скрывались меж дерев,
Вообразив своих невинну страсть, рыдали
И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный муж, при старости Кирил,
Последни Дед Мой дни в затворах тесных крыл,
Других, не своего терзания боялся,
Чтоб крови ток сынов пред ним не проливался.

В отчаяньи, в тоске, в стенании, без сна
Подобна смерти ночь тогда проведена.
Стрегущих зверский взор и осажденных бледность
Изображали вдруг насилие и бедность.
Злодейской вольностью плененная Москва
Казалась в пропасти погребена жива.
Как неусыпный червь, тоска всем грызла груди,
Но с светом больше скорбь почувствовали люди.
Везде тревогу бьют. Мятежнический крик,
Наполнив слезный град, до облаков достиг.
Рыканья зверские неистово возносят,
Нарышкина на смерть, ярься, Ивана просят.
Грозят, что скоро всех постигнет строгий рок,
Прольется по Москве и слез и крови ток.
Но не дошла еще несчастного година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду из Кремля рассыпался мятеж:
В рядах, в домах, в церквях насилие и грабеж.
Там жадность с наглостью на зло соединилась
И к расхищению богатства устремилась.
Презрение святынь, позор почтенных лиц,
Укоры знатных жен, ругательства девиц,
Лишение всего богатства превышали.
В сердцах правдивых стыд превсходит все печали.

Коль вечера сего благословен был мрак,
Что буйство прекратил и скрыл злодеев зрак.

Уже отяготясь весь день питьем излишним
И из несчастливых домов богатством хищным,
Шатаются, спешат своих достигнуть нор.
Градски врата блюдет их стража и запор.

Царевна, усмотрев, что время протекает,
А умысел ее конца не достигает,
Стрельцам назавтрее велела приступать
И, наглость с ковом злым начав соединять,
К Царице шлет больших Бояр для уговору,
Чтоб брата и отца стрельцам дала без спору:
«Уже чинят приступ ко красному крыльцу:
Без выдачи не быть смятения концу».
Для уважения в совете слов Боярских
Представила особ опасность Государских.
Нарочно якобы для утоленья зла
Сама в Родившия Меня чертог пришла.
«Для собственной Твоей и для Детей избавы
Свирепы укроти Стрельцов, — сказала, — нравы,
Спаси Себя и их, опасность отложи
И брата и отца для миру покажи.
Здесь дом Спасителей, защита есть велика,
Кто смеет их отнять от Божеского лика?»
Последуя судьбе и льстивым толь словам,
Из потаенных мест Нарышкин входит в храм,
В слезах святой олтарь целует и объекает,
И службе Божией усердным духом внемлет:
Готовится принять страдальческий конец.
«Невинность, — говорит, — рассудит сам Творец».
Тут руки Мать Моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданием Свою перерывала речь;
Иссякнув, не могли уж слезы больше течь:
«Для отческой к тебе, супружней Мне любви
Не проливай еще Моей невинной крови.
Представь, что сей по мне и Алексею брат,
И дядя, и отец его оставших чад».
София следовать велела за собою
Нарышкину к Стрельцам, подняв его рукою
С притворной жалостью. Царица от тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Как волки хищные, на Агньца наскочили
Стрельцы, невинного внезапно ухватили,

Презрев Царицыных и власть и святость рук,
Бесчестно за власы влекут на горесть мук.
Меж тем сестра себя пред чернью извиняла,
Что братьей кровью сей от смерти избавляла.
Царица вне Себя, не зная, что отец
В отсутствие ее неволей стал чернец,
Полуумершим вслед на брата смотрит взором,
Терпящего толь зло мучение с позором.
Несчастливого на торг злодеи привлекли
И ложны клеветы, оставя стыд, взвели,
Что будто по своей он безрассудной страсти
Монаршеской искал продерзостию власти.
Без доказателей потом его, терзав,
На копыя подняли и кинули стремглав;
Отсекли варварски и руки и главу.
По злости слышат все в народе уж молву.
Там верные рабы преступникам грозили:
«Вы горьку казнь себе изменой заслужили.
Вас мстительный пожрет неукосненно меч,
И крови, как воде, достойно вашей течь.
Начала только ждем: велика вся Россия
Исторгнет корень ваш за возмущенья злые».
Стрельцы, хотя рабам сулили дать свободу
И, крепости поправ, сказали то народу,
Однако никакой не следовал успех.
Уже уразумев, что трудно встать на всех,
Свирепость праздником всеобщим окончили,
На царство брата вдруг со Мною увенчали.
София воздала преступным мзду и честь
И грамоты Москвой на злых глазах пронести
Велела в торжестве, чтоб скрыть свои затеи:
Безвинные звались по смерти их злодеи.
Побитых имена читались на столпах
И верным Отчеству в сердца вливали страх.

Едва сей бурный вихрь несчастьем укротился,
И Я в спокойствии к наукам обратился,
Искал, где знания сияет ясный луч,
Другая мне гроза и мрак сгущенных туч
От суеверия и грубости восходит
И видом святости сугубый страх наводит.
Ты ведаешь, — раскол, что начал Аввакум
И пустосвят-злодей, его сообщник дум,

Невежество почтет за святость старой веры.
 Пристали ко стрельцам ханжи и лицемеры:
 Хованский с сыновми, и Мой и церькви враг,
 Не устыдился быть в совете побродяг.
 Здесь камни сношены к стенам на Капитонов;
 Там камни бросаны против святых законов.
 О церьковь! О святынь исполненный олтарь!
 О как дерзнула к вам коснуться злобна тварь!
 Не можно их почесть в сообществе словесных,
 Что смысл, и совесть их, и честь в пределах тесных.

Приносит службы долг муж свят Иоаким;
 Мятежники вошли в храм сонмищем своим
 К лицу Святителя для вредного раздора,
 Скрывая кр_а_молу под именем собора.
 Когда от дерзости их кротко отвращал
 И мирный разговор о вере обещал,
 «Ты волк, ты хищник злой», — бесстыдно с шумом лают
 И камнем в него и в клир его бросают.
 От наглых Патриарх тогда еретиков
 К Монархам принужден склониться был в покров».

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Сокращение

От Белого моря путешествуя Петр Великий к Шлиссельбургу через Олонец, осматривает горы и, приметив признаки руд и целительных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожского озера, пожирающего волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению нового великого города и корабельной пристани на Балтийском море, подает Ему мысль соединить Волхов с Невою впредь великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде окружена новыми Его войсками и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женский пол присылают из города просить о выпуске, на что откано: Российское-де войско не за тем город выступило, чтобы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному приготовлению дан знак к приступу. Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лестницы коротки и Шве-

ды, обороняясь храбро, причиняют немалый вред Россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лестницами наступление учинить благополучнее. Посланному главный предводитель на приступе Князь Голицын отвечивал, что уже большая трудность преодолена, а если снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре, чиненным разорванным бревном сброшен с приступкой лестницы, упал за-мертво на землю. Между тем почти без предводительства Россияне на город стали всходить, и Шведы, спасения отчаясь, подают знак к сдаче. По вступлении оных выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тех Героев,
Что, следуя Петру по жатве многих боев,
Торжественные ввек приобрели венцы,
Отечество в земны прославили концы,
Я вашим мужеством в труде сем ободряюсь
И сердцем и умом меж вами обращаюсь:
Воюйте счастливо, сравните честь свою
Со предков похвалой, которую пою.
Военны подвиги Петровы начинаю,
В отцах и в дедах вам примеры представляю.
Неустрашимость их изобразит мой глас,
Что чувствуете вы наследственную в вас.
Ступая мужески в похвальные их следы,
Монархине своей приносите победы,
Где ваш оружный звук восходит до небес
И по путям везде растет лавровый лес.
Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпреля,
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом Его встречали Короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя Его в Великой Дщери.
Противные страны геройством и трудом
Вы в собственный себе преобратили дом,
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новый блеск Российской багрянице,
Чтоб нашей радостью украсить новый год,
Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежные, рожденные весною,
Повеют, бодрому споспешествуя строю;
Прохладная роса от благовонных трав

К отраде вам прольет обилие забав.
Богатые плоды в дни летние пожните,
Монархине своей сторичный принесите.
Завистникам своим не оставляйте зерн;
Оставьте плевые им, сухой тростник и терн,
Чтоб, чувствуя в груди язвление, их злоба
Несноснее почла затворов мрачных гроба;
Чтоб гордостью своей наказанный Берлин
Для беспокойства царств не умышлял причин
И помнил бы, что Петр ему был оборона:
Его десницею удержана Корона,
Чем ныне красится среди земных Владык.
Великим он Петром на свете стал велик.
Всех ныне дел Его имеет Дщерь наследство;
Пусть Карловых он дней себе представит бедство.
О коль бы в жизни я благополучен был,
Когда бы действие усердных ваших сил,
Изобразив в водах прохладной Ипокрены,
Воспел, с подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветиных певцем бы стал побед;
Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.

Где Ладога в Неву вливает быстры воды,
Стеною огражден тут остров в древии годы.
Российска сей оплот поставила рука.
С негодованием шумела вокруг река,
Что проливалась в чужую власть насильно:
Спасенна, ныне к нам несет дары обильно.
Во влаге начертав Петрова града вид,
Что красит Дщерь Его, покоит и живит.
Блаженные струи брег туком напояют,
Прохладной влагой всю окрестность ободряют,
Защитникам своим похвальный внемлют стих,
Всю тягость позабыв отверженных вериг.

В несчастье некогда Россия утомленна
Вечерних сих берегов крушилася лишенна,
Как Готские полки, для помощи пришед,
В противность нанесли странам Российским вред;
Как тягость сил своих Москву повергла к низу,
Дряхлая, сегодя, оделась в мрачну ризу.
Лишенна красоты Монаршего венца,
Злочастью своему не видела конца.

Измена, зависть, злость, раздор, братоубиство
Преобратили все в погибель, в кровопивство.
Исчезло истинных рачение похвал;
Везде свирепый рок отечество терзал,
Пока Пожарского и Трубецкого ревность,
Смотря на праотцев, на славу Россов древность,
Пресекла наконец победою напасть,
И обществом дана Петрову Деду власть.
Младый Монарх во град поверженный приходит
И на развалины плачевный взор возводит.
Отрада Россов всех по скорби, Михаил,
О как крушился Ты, рыдал и слезы лил!
Что мыслил Ты, ступив на высоту престола,
Стоящего среди плачевного всем дола?
Там храмов Божиих старинный труд — верхи
По стогнам и по рвам повергнули враги.
Еще восходит дым от хищного пожара,
И воздух огустел от побиенных пара.
На торжищах пустых порос колючий терн,
Печальный Кремль стоит окровавлен и черн.
Чертоги Царские, церковные святыни
Подобно сетуют как скучные пустыни.
О гореть! Но Твоя великая душа,
В геройской младости утешить нас спеша,
Присутством и трудом печальных ободряет,
Отечество из бездн глубоких воздвигает.
К приумножению благословенных дней
Наследовал Тебе подобный Алексей.
Он Россам возвратил старинное наследство,
Злодеев истребил и усмирил соседство.
Обратно приобрести вечерние страны
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Ореховец стесняется в осаде,
И в каменной крепясь противится громаде;
Российским воинством отвсюду окружен,
Но Готской гордостью в надежде вознесен,
На бреги, на валы, на множество взирает
И, видя новые полки, пренебрегает;
К пособству призывать старается с границ,
Поставив знамена на высоте стрельниц.
Тогда Кексгольмская уразумев Корела
К осадным на судах придти не укусила.

Прибывшим воинством противник подкреплён
И пищей и ружьём избыточно снабдён,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
Надеясь получить от Карла помощь скоро.

Монарх наш, преходя Онежских крутость гор,
Свой пронизательный кругом возводит взор,
И, видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны металлических соки,
Богатства, здравия являются ключи,
Блещат из мрачных мест сокровищей лучи,
Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотые,
Но ныне для твоей бессмертной похвалы
Спешу против врагов чрез горы и валы.
Железо мне пролей, разжженной токи меди;
Пусть мочь твою и жар почувствуют соседи
И вспомнят, сколько нам произвели обид».
Надеждой, ревностью блистал Геройский вид.

Принесши плод, земля лишилась летней неги;
Разносят бледный лист бурливых ветров беги;
Летит с крутых верхов на Ладогу Борей,
Дожди, и снег, и град трясёт с седых кудрей,
Наводит на воду глубокие морщины.
Сквозь мглу ужасен вид нахмуренной пучины;
Смутившись тягостью его замерзлых крыл,
Крутится и кипит с водой на берег ил.
Волнами свержены, встречают гору волны
И скачут круг нее, печальных знаков полны;
Между запасами колеблется там дуб,
Между снарядами пловцев Российских труп;
Там кормы, dna судов рассыпаны, разбиты.
Монарх, узрев в пути, коль злобен рок несытый,
Вздыхнул из глубины и буре запрещал
И в сердце положил великий труд — Канал,
Дабы Российской могущею рукою
Потоки Волхова соединить с Невую.

О реки, близкие, но прежде разделении,
Ликуйте, тщанием Петровым сопряженны;
Струями по тому ж играючи песку,
Забудьте древнюю друг _о_ друге тоску.

Вливайте вы себе взаимную отраду,
Благодаря, плоды к Его носите граду.

На свой ты, Волхов, рок негодовал в пути,
Что не в Неву тебе, но в Ладогу идти
Судьбой поставлено и бурями терзаться
И, силы потеряв, едва в нее вливаться.
Коль часто ты вздыхал, чтоб вкупе завивать
Струи и в море вдруг течение скончать.
Ты выше берегов, смущаясь, поднимался,
То под землей сыскать ход тайный покушался.
Везде против любви поставлен был оплот.
Не мог ты одолеть ни хлябей, ни высот,
Пока Великий Петр, презрев упругость рока,
Тебе дал путь и нам довольство от востока.

Он, оком и умом вокруг места обшел,
Избранные полки к Ореховцу ведет.
Животворящему Его прихода слуху
От Ладоги в Неву флот следует по суху.
Могущих Росских рук не воспящает лес;
Пример изображен тут Ольговых чудес:
Пред Цареградскими высокими стенами
Он по полю в ладьях стремился парусами.
Здесь вместо ветра был усердый наших дух,
И вместо парусов сопряженны силы вдруг.
Уже суда, ходя по собственной Стихии,
На Шведский берег везут защитников России:
Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, к торжеству.
На ров, на вал бегут, врагами укрепленный,
Даются Шведы в бег, от Россов уstraшенны.
И Шереметев, став на оном берегу,
Отвсюду запер путь к спасению врагу.
Уже к начальнику под крепость посылает,
Свободный выход всем без бою обещает,
Что им против Петра не можно будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду проливать
И сдача города не будет им зазорна.
Но Готы, помощи надейся от Горна,
Сказали: от него приказу к сдаче ждут.
На лживый их ответ громады вдруг ревут,
Пылают всех сердца, присутствием разжженны,

От сил их потряслись упорства полны стены.
Обширность воздуха курению тесна,
И влажная огнем покрыта быстрина.
Гортани медные рыгают жар свирепый;
Пылая, зелие железны рвет заклепы.
Представь себе в пример стихий ужасный спор,
Как внутренность кипит воспламененных гор,
Дым, пепел и смола полдневному ясность кроют,
И выше облаков разжженны холмы воют,
Трещат, расседавшись во облачной воде,
Сугубят гром и страх, сражаясь в высоте,
Грознее, как в земном ярились прежде чреве.
В таком трясении, во пламени и реве
Стоит, отчаявшись, противу Росса Швед,
В ничто вменяет кровь и презирует вред.
Однако в пагубе, в смятении великом,
Подвигнут женским был рыданием и криком.
Растрепанны власяи и мертвость бледных лиц,
И со младенцами повергшиеся ниц
Мужей к смягчению Россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
И дух ваш на мужчин пусть будет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».
От предводителя осады дан ответ,
Что толь свирепого у Россов нраву нет:
Между супругами не учинят разлуки;
Вы, вместе выступив из стен, избавьтесь муки.
С отказом зашумел из жарких тучей град,
Перуны Росские и блещут и разят.
Напрасно из дали противны подъезжают
Осадных выручать: ни в чем не успевают.
Готовится везде кровопролитный бой,
И остров близ врагов под нашей стал пятой.
Приемлет лестницы охотная дружина;
Перед очами их победа и кончина.
Иным летучий мост к течению готов,
Иные знака ждут меж Ладожских валов.
Дивятся из дали в стенах градских пожару,
Призывного на брань не слышавши удару.

Как туча грозная, вися над головой,

Надута пламенем, сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет, почернев, Путь дневному светилу,
Внезапно разродясь, стесняет громом слух,
И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух,
Сугубят доли звук и пропасти глубоки,
И дождь и град шумит, и с гор ревут потоки —
Земля, вода, леса поколебались так,
Когда из многих вдруг жерл медных подан знак
И Ладога на дне во глубинах завывала.
Стоящая над ней самоизвольна сила,
Удара и час_а_ урочного дождав,
Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
Им к разным путь смертям, течение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище ужасно!
От весел шум и скрип, свист ядр и м_а_хин рев
Гласят противникам Петров и Божий гнев.
Они, упрямством злым еще ожесточенны,
Покрыв смертельными орудиями стены,
Судьбину селятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Как вихри сильные, стесненные грозою,
Полки Российские сперлися пред стеною.
К приступу Карпов, вождь Преображенских сил,
Всех прежде начал бой, всех прежде смерть вкусил.
Свинцом лежит пронзен сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись дал знать с душой и с храбростью разлуку.

Сквозь дым, сквозь кровавых сверканье мечей
Вперяет бодрых Петр внимание очей
И лестниц краткость зрит, поставленных к восходу,
В приступе Своему губительну народу;
Не могут храбрые стен верху досягнуть
И тщетно верную противным ставят грудь,
Стремятся отвратить ражение их встречно.
О коль велико в Нем движение сердечно!
Геройско рвение, досада, гнев, и жаль,
И для погибели удалых глав печаль!
Смотря на воинства упадок бесполезный,
К стоящим близ Себя возвел зеницы слезны:
«Что всеу добрых Мне, — сказал, — сынов губить?»
Голицыну спеша велите отступить».
Примером показал Монарх наш, что Герои

Не радостию чтут кровопролитны бои;
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след.

Меж тем подвижники друг друга поощряют
И лестниц мужеством короткость дополняют.
Голицын, пламенем отвсюду окружен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим совершен;
Чрез отступление от крепости обратно
В другой еще приступ погибнет войск двукратно.
И если Государь желает город взять,
Позволил бы нам бой начатый окончать».
С ответом на стену пред всеми поспешает,
Солдатам следовать себе повелевает:
«Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат;
Преславно торжество, конец ваш будет свят.
Держайте мужеством отечество прославить,
Монарха своего победою поздравить».
На копья, на мечи, на ярость сопостат,
На очевидну смерть Россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало разжжено.
Он, сринут, побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченный болезнью нудит глас.
Ревнители его и слову и примеру,
Держа в уме Царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег,
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав, ярятся,
И скачущих верьхи кудрявые крутятся,
Старинных корни древ и тяжки камни рвут.
С обеих сторон стоял темненный рока суд.

Меж тем ревнительны сердца к звездам восходят,
Святого с горних мест Героя в мысль приводят.
Поборник Александр издревле сих берегов
Зрит, грозно ополчен над ними, на врагов.
Уже высокий всход с землей бысть мнится равен,
И Ярославов сын, среди царей преславлен,

Являя сродный зрак Великого Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра,
Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильного плеча,
Броней, копья, щита, и шлема, и меча
Вспомняв, места веселый плеск воздвигли,
Что избавления желанного достигли;
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен.

В священной дерзости то представляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия достоин,
Высок усердием, надеждою легок,
Через мертвые тела на свой ступает рок.
По крепких подвигах, к успеху неудобных,
И по волнениях противных и способных
Взливается на стен кровавых высоту,
Наводит на врагов боязнь и тесноту.
Наполнился весь град рыдания и плача.

Уже не Нарвская, о Готы, вам удача,
Не местничество здесь и не оплошный Крой,
Не старой брани вид, не без порядка строй;
Великий правит Петр рожденное им войско,
И Шереметева рачение Геройско
Отмщеньем дышащих бодрит напор сердец.
Увидев крепости в сражении конец,
Вы неизбежну смерть покорством предварили
И белый к сдаче знак по ветру распустили.

Умолкнул грозный звук со обеих сторон;
Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
Вандалы выпуску с военной честью просят
И городских ворот ключи Петру приносят,
На Победителя в восторге взводят взор
И укрепляют свой о сдаче договор.
Коль радостная там, коль красная премена!
Уж веют на стенах Российские знамена,
Изображаются, Нева, в твоих струях.
Тимпанов мирный шум при радостных трубах
Забыть велит сердцам минувших тучей громы;
И Шведы тщатся в путь в свои достигнуть дома.

Обычай воины из древних лет хранят,
Чтоб храбрых почитать по сдаче сопостат:
Признаки мужества в руках их оставляют
И славу тем своей победы уважают.
Победоносец наш жар сердца отложил
И первый кротостью успех свой посвятил:
Снабдил противников к отшествию судами.
Оставив стену, зрят прискорбными очами.
Распущены на ветр знамена, трубный шум
Печальной радостью теснят их вольный ум.
На волю им пути прискорбны — стен проломы,
Что отворили им из рук Российских громаы.
По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.

В Отечестве сказать сей случай поспешайте,
И побежденны быть от Россов привыкайте;
Скажите ваш домой почтительный возврат,
Что выпущены вы пространством новых врат;
И Карлу вашему победу возвестите,
Что Петр, Отечеству и к славе и к защите
Над вами получив, наследство возвратил
И ближе к Швеции простер шум орлих крил.
Пускай в Германии Герой ваш успевает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать;
Не спорит меж собой развратна прежде рать:
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят в полках единомушны.
Движением Своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову;
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.

Разливы Невские на устиях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят.
Там нимфы по брегам в веселии ликуют,
И в осень зефиры между древами дуют.
Вменяя, что лице земное расцвело.

Тогда возвел Монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости друзей своих обратных.
Отрада всех живит, стократно выше бедств;
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нас, Государь, Твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты,
И промысл дал Тебе земли и моря ключ:
По их обширности распрострирай Свой луч.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,
Лишь только бы Твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И просветить народ, как дух желает Твой».
Усердным толь речам Петр радостно внимает,
Но, к городским стенам приближась, въздыхает,
Смотря на разные повёржения тел,
Кому как умереть предписан был предел;
Прощается у них печальными устами:
«О други верные, я вашими кровями
И общих и Своих преодолел врагов;
Небесных радуйтесь сподобившись венцов.
Примером с высоты другим по вас сияйте
И мужество в сердца полкам Моим вливайте».
Рыдание конец был жалкой речи сей,
И манием дал знак к сокрытию костей.

Чрез стены проходя, от древности наследны,
Что были долго нам от межуsobства вредны,
Он оком облетел преодоленный град;
Рассматривает сам все множество громад:
Между различными едина изваянна
Великим именем являет Иоанна.
Сей бодрый Государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя, Татары
Вовек отчаялись над Россами побед:
Скончался с гордостью Ордынскою Ахмет.
Сие старинное орудие военно
В смущенны времена осталось плененно.
На выгоды свои, на знаки наших бед
Смотря с веселием, тогда гордился Швед.
Теперь против него обратно пусть пылают

И вместо радости во брани устрашают.
Коль многи тягости оружий роковых,
Что в приступлении вредили нас и их,
Лежат по улицам и бомб и ядер кучи,
Наметанные там из грозной Россов тучи.
Меж целыми число расседшихся громад,
Что выше сил своих на нас пускали град.
Там потрясенный дом на дом другой склонился,
Иной, на улицу повержен, разрушился.
По всходам, по стенам, по кровлям — угли, прах
Показывают вид, каков был самый страх.

О смертные, на что вы смертью спешите?
Что прежде времени вы друг друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи, вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним вовеки затворил.
Готовому вступить во брачные чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В середине лутчих лет иной, устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь здрав пребыть, умом:
«Отныне поживу и наслажусь трудами», —
Но час последний был, скончался со словами.
Коль многи обстоят болезни и беды,
Которым, человек, всегда подвержен ты!
Кром_e_ что немощи, печали внутрь терзают,
Извне коль многие напасти окружают:
Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
Трясение земли, свирепы звери, глад,
Падение домов, и жрущие пожары,
И град, и молнии гремящие удары,
Болота, лед, пески, земля, вода и лес
Войну с тобой ведут, и высота небес.
Еще ли ты войной, еще ль не утомился
И сам против себя вовек вооружился?
Но оправдал тебя военным делом Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и щедр,
Притом и меч простер и на море и в поле.
Сомнительно, чем Он, войной иль миром, боле.
Другие в чести храм рвались чрез ту вступить,

Но ею он желал Россию просветить.
Когда без оных не ввел к нам просвещения,
Не может свет стоять без сильных оружий.
На устьях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул Храм наук!
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признаваем

Посмотрим мысленно на прежни времена:
Народам первенство дает везде война,
Науки с вольностью от зверства защищает
И храбрых мышцею растит и украшает.
Оружие дано природою зверям,
Готовить хитростью судьба велела нам.
Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют пращами и натягают луки.

Открой мне бывшие, о древность, времена!
Ты разности вещей и чудных дел полна.
Тебе их бытие известно все единой:
Что приращению оружия причиной?
С натурой сродна ты, а мне натура — мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.

Уже далече зрю в курении и мраке
Нагого тела вид, не явственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывные слова:
«Так должно древности простой быть и не ясной,
С народов наготой, с нетщанием согласной!»

Велит: «Ты зрение по свету обведи
По мест различности, и веки рассуди,
И мыслями обратись на новые народы».
Простерла руку в даль из облаков чрез, воды:
«Там вместо знания военных всех наук
Довольна мнится быть едина твердость рук;
Там знают напрячься коленом и бедром,
Нагая грудь и лоб, броня и шлем есть к бою;
Иные, камни взяв с земли, друг друга бьют,
Сломив уразину, нагие члены рвут.
Дреколия концы огнем там прижигают,
И, заостривши их, противников пронзают.

Там тучи страшные на воздуха предел
Терновых, костяных, железных воют стрел.
При накрах движут дух свирели, барабаны,
И новость стен трясут пороки и тараны.
Но инде с ужасом трудолюбивый ум
Услышал для войны огня приличный шум.
Европа там гремит, сама в себе пылая;
Кровава часто фурия свирепствует в ней злая!
Кровавая война от века так течет,
Так хитрость бранная от первых дней растет.
Рок кровью присудил лице земли багровить;
Монархам надлежит оружие готовить.
Ваш Петр за широту пределов меч простер,
Блаженству Росскому завиствующих стер.
И ныне Дщерь торжеств бессмертность утверждает,
Огней ражение искусством умножает.
Елисаветины военные дела
Как мирные вовек венчает похвала».

Ужо Россияне мест дряхлость очищают
И рухлость стен, стрельниц прилежно укрепляют,
Дабы лежащий град восстал и был готов
Оружие поднять и отвратить врагов.
Преславный в путь вступил Вандалов Победитель
Во град, где Праотцы и храбрый где Родитель
Оставили своих заслуг великих знак.
Коль радостен там был Москвы священный зрак!

Но, муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:
Безмерно больше труд напредки настоит,
Тогда представь сея Богини светлый вид.[1]

1756–1761

